ПРАДѢДОВСКІЯ ВЕТЛЫ.

— Что рыло–то рукавомъ утираешь, сынокъ, аль уморился? спросилъ старикъ, сидя на лавкѣ по одну сторону большаго угла, между тѣмъ, какъ сынокъ его, Василій, у котораго все лицо горѣло добродушною радостью, сидѣлъ по другую сторону и, отдуваясь, возилъ рукавомъ рубахи по всему лицу.

— Уморился, бачка, отвѣчалъ тотъ, отставивъ руку и глядя смѣючись прямо въ глаза отцу.

— Экъ ты, поросенокъ! продолжалъ этотъ, привѣтливо кивая бородой: — помотался парень туда–сюда, ужъ и уморился! И знать что первинка тебѣ; а вотъ ка–бы баушка заставила тебя еще по двору борону таскать, такъ и узналъ бы ты тогда, каково это дѣло — и расхохотался самъ остротѣ этой. — Нѣтъ, Вася, хоть и сбѣгалъ ты разъ десятокъ другой, то за тѣмъ, то за семъ, на село, да помотался взадъ и впередъ промежь избы да бани, на

посылкахъ, да сбѣгалъ еще на погостъ къ попу за молитвой, а уморился ты чай не съ этого.

— А съ чего жь? спросилъ сынъ, глядя все также на отца.

— А съ того, продолжалъ тотъ, облокотясь на столъ: что сердце у тебя неспокойно было, что душа болѣла. Вѣдь я знаю тебя, сынокъ: молоду жену ты любишь, человѣкъ ты жалостливый, и къ чужимъ, не токма что къ своимъ; ну и выболѣло сердце, и захватило духъ; а тебѣ чаится, что уморился.

Василій, не говоря ни слова, опять накрылся рукавомъ и сильно разъ другой всхлипнулъ, опять утерся, и опять глядѣлъ на старика весело и покойно.

— Пожалуй что и поборонилъ бы, сказалъ онъ, ка–бы ей сердешной отъ этого легче стало; ужъ вотъ какъ поборонилъ бы! и, сжавъ кулакъ, положилъ его на столъ, съ трудомъ опять удерживаясь отъ рыданій. Онъ хотѣлъ было прибавить: «жаль больно было Насти» да ужъ промолчалъ, чтобъ пуще себя не разжалобить.

— Ну, Вася, сказалъ старикъ: — теперь молись: благодаря Бога, все кончено. Вотъ ты меня и въ дѣды пожаловалъ; спасибо тебѣ. Теперь новыя заботы тебѣ: припасай что нужно на размывку рукъ, на кашки, на крестины.

«Вася!» послышался слабый голосъ молодой матери: «дай, голубчикъ, водицы испить, да студёненькой, слышь, не стоялой.» — «Заразъ, Настюшка», отвѣчалъ этотъ, и опрометью кинулся вонъ.

«Экой прыткой онъ у тебя, сношенька!» молвилъ старикъ радушно, поправивъ лучину на свѣтцѣ и оборотившись лицомъ къ кутнику. — «Твоя кровь, свекорушко» отвѣчала та привѣтливо: «еще чай самъ ты въ перегонки съ нимъ пустишься, коли на то пойдетъ.» И старикъ умильно и самодовольно расхохотался: ему какъ–то люба казалась выдумка снохи, чтобъ ему бѣжать въ–запуски съ сыномъ. «А что жь!» сказалъ онъ: «почему не побѣжать, поколѣ Господь грѣхамъ терпитъ? Вѣдь и то, восей за мошенникомъ, за бродягой этимъ, погнались, такъ вѣдь я, даромъ что

старикъ, напередъ всѣхъ выбѣжалъ, да такую угонку ему далъ, что онъ и въ часъ не отпыхался.»

Въ эту минуту вошелъ Василій съ ведромъ воды въ одной рукѣ и съ какимъ–то сверткомъ въ другой, прижавъ его къ груди; а свертокъ этотъ визжалъ, ровно какъ скучаетъ несчастный закинутый щенокъ. Это явленіе до того изумило старика, что онъ, только вытаращивъ глаза, могъ проговорить: «Господь съ тобой, съ нами крестная сила», а Настя кинулась къ лежащему съ нею рядомъ младенцу, будто спутавшись съ памяти своей и не понимая, откуда ребенокъ ихъ взялся съ улицы. Василій поставилъ ведро и, поглядѣвъ свѣтлымъ мѣсяцемъ на старика своего и на испуганную жену, сказалъ: «Глядите–тка, вотъ что намъ еще Богъ послалъ! глядите: живой вѣдь! Я иду отъ колодца, и много–ли пройти–то, Настя, и всего–то вѣдь только повернуться, иду съ ведромъ, да вѣдь чуть было не раздавилъ его, сердешнаго, Господь меня спасъ. Только вотъ что: туда бѣгъ — ничего не было, слышь, а оттуда

иду — что молъ такое подъ порогомъ; глядь, анъ вонъ что!» Послѣ первыхъ страховъ и удивленій, всѣ трое стали было спрашивать другъ друга, что дѣлать съ этимъ и какъ быть? Но молодая мать, потребовавъ младенца къ себѣ, тотчасъ уложила его рядомъ съ своимъ и объявила, что у нея теперь двойни; что Богъ послалъ этого безпріютнаго, какъ Богъ же послалъ имъ и перваго; что надо вспоить и вскормить обоихъ. Василій на все соглашался, хоть и потужилъ было, что Настѣ ужъ больно тяжело будетъ; а старикъ и подавно. «Вотъ, сношенька, не было ни гроша, да вдругъ алтынъ!» — «Ну вѣстимо, куда жь его дѣвать? Божья воля; вѣдь не слѣпой щенокъ это, а душа человѣческая: надо порадѣть, Христа ради, да помолившись, Ему славу воздать! Все молись, сынокъ, что ни пошлетъ Богъ; и хорошее пошлетъ, молись, и худое пошлетъ — все молись. Мы вѣдь глупы, Вася, мы и худа отъ добра не распознаемъ; а Господь старый Чудотворецъ: все знаетъ; на него и полагайся.»

— Надо сбѣгать къ сотскому сказать, да выборному, молвилъ, спохватившись, Василій, чтобъ не сталъ браниться становой.

— Ну что жь, сбѣгай... отвѣчалъ старикъ, подошелъ къ снохѣ и прочиталъ еще наставленіе о томъ, какъ должно бояться Бога и во всякое время молиться.

Сводные двойни крещены были однимъ именемъ: Киріакомъ: по времени рожденія, въ концѣ сентября, священникъ прибралъ имъ имя это; а для различія роднаго всегда называли Кирюшей, а подкидыша — Кирей. Крестины отпраздновали очень весело и шумно, потому что люди много глумились надъ добродушнымъ Васильемъ, у котороао, на диво всему народу, оказался свой сынъ, какъ у жены его свой, что видно у нихъ съ женою за споромъ дѣло стало. «Гдѣ ты выборонилъ сынка?» спрашивалъ одинъ. «Да вишь не хотѣлъ уступить женѣ», отвѣчалъ за Васю другой; а всѣ заканчивали шутки эти завѣреньемъ, что за доброе дѣло ихъ Господь не покинетъ и что станутъ они жить благословенно. Баушка–

повитуха изготовила мужу Насти такую ложку каши, что у него было очи на лобъ вылѣзли: тутъ было болѣе соли и перцу, чѣмъ каши. Все это немало способствовало общему веселью; а дѣдушка, опередившій всѣхъ, какъ восей догоняли бродягу–конокрада и давшій ему такую знатную угонку, проплясалъ цыганскую съ ложками, объявивъ, что будетъ плясать еще на свадьбѣ обоихъ внучатъ своихъ, а тамъ ужъ и полно.

Тяжеленько было семьѣ этой выращивать двойней, но Настя кормила обоихъ одинаково, то грудью, то рожкомъ; а дѣдушка, у котораго былъ свой маленькій достатокъ, помогалъ имъ по временамъ то нужной скотинкой, то хлѣбцемъ, то наймомъ работника въ страду. Кирюша и Киря росли такъ, что и отецъ и мать забыли о всякой разницѣ между ними, называли и считали ихъ обоихъ родными дѣтьми своими, двойнями, а за Кирей было у нихъ даже болѣе хлопотъ и заботъ, чѣмъ по родномъ сынѣ, потому что Киря выдался

гораздо похилѣе названаго двойничника своего, и за нимъ было болѣе ухода.

Парнишки стали подростать родными братьями и вышли преудатными ребятами; но пріемышъ Киря отставалъ и въ ростѣ и въ дородствѣ отъ двойничника своего, и дѣдушка былъ этимъ очень недоволенъ, пѣняя почасту на сноху, «что люди–де со стороны корить станутъ, скажутъ плохо кормишь его.» — «Его воля» отвѣчала Настя, у которой послѣ первенца не было вовсе болѣе дѣтей: «не пайкомъ отпускаемъ, не съ вѣсу», и вслѣдъ затѣмъ принималась уговаривать Кирю, чтобъ больше ѣлъ. Въ доброй крестьянской семьѣ и дѣти удатны бываютъ, и самое безтолковое воспитаніе идетъ впрокъ. Знаете ли отчего это? Оттого, что господствующимъ вліяніемъ на дѣтей бываетъ любовь и благодушіе, а преобладающимъ примѣромъ — миръ и кротость. Вотъ въ чемъ заключается вся тайна воспитанія. Все, что за симъ будетъ упущено или искажено, большею частью исправляется само собою исподволь, когда

бывшій ребенокъ начинаетъ входить въ года и, постепенно мужая, наживаетъ свой умъ–разумъ. Поэтому мы и видимъ постоянно, что хорошіе и дурные крестьяне родомъ ведутся, какъ хохлатыя курицы дворомъ, и, назвавъ крестьянскую семью, всегда можно сказать о ней, какова она, вообще, а рѣдко придется дѣлать рѣзкія изъятія для нѣкоторыхъ ея членовъ.

Пришла святая; семья наша воротилась изъ церкви, помолилась еще разъ передъ домашнимъ образомъ, перехристосовалась снова и принялась разгавливаться. Кажется, день этотъ, глядя на него со стороны, такой же, какъ и всѣ дни; нѣтъ въ немъ никакихъ стихійныхъ примѣтъ и отличекъ, а между тѣмъ, кому не кажется онъ, несмотря ни на какое ненастье, днемъ свѣтлымъ, радостнымъ и праздничнымъ, которому въ году нѣтъ ровни, ни дружки? А въ крестьянскомъ быту, въ хорошей семьѣ, и подавно: всѣ заботы, всѣ насущные труды и суеты покоятся; нѣтъ на душѣ ничего, кромѣ ясной и свѣтлой радости; сброшены съ плечъ тяжелая, а съ нимъ и черствая

вещественность, нужда настоящая и забота о будущемъ. Богъ далъ дожить до свѣтлаго праздника — и на селѣ встрѣчаешь однѣ только спокойныя, радостныя, беззаботныя лица. Мужикъ съ окладистою бородою, забывъ степенство свое, ладитъ для молодёжи качели и, сѣвъ на нихъ самъ первый, для опыта, до того расходился, что не хочетъ слѣзть и дуритъ съ малыми ребятами и дѣвками, которые стаскиваютъ его за ноги и за полы; сѣдой, какъ лунь, дѣдушка, съ трясучею головою, не только въ чистой, но и въ новенькой рубахѣ, съ иголочки, стружитъ и правитъ лубочекъ, съ котораго внучки станутъ катать яица; а внучки мечутся вокругъ него кувыркомъ, другіе скачутъ пробками на одной ногѣ, съ дикими припѣвами, и только одна скромная дѣвочка стоитъ передъ нимъ смирно, уставивъ глаза на лубочекъ, засунувъ большіе пальцы обѣихъ рукъ по самую ладонь въ ротъ, а средніе персты въ оба уха. Затыкая и оттыкая ихъ въ скорой перемежкѣ, она забавляется этимъ,

вслушиваясь въ нестройный крикъ прочихъ дѣвчонокъ и ребятишекъ...

Нашъ дѣдушка, однакожь, схвасталъ, когда обѣщалъ плясать на свадьбѣ внуковъ: лубочекъ онъ бы, можетъ статься, еще и согнулъ бы кой–какъ, а ужъ качелей бы не поставилъ и въ дѣло никуда болѣе не годился. Двадцать лѣтъ на–кости, къ пятидесяти, много горба прибавятъ и навыпередки ужъ больше не побѣжишь ни съ кѣмъ. Послѣ розговѣнья и завтрака захотѣлось ему сказать слово семьѣ, и онъ велѣлъ всѣмъ опять присѣсть. Вотъ слова его:

— Привелъ мнѣ Господь еще разъ съ вами, дѣтки, разговѣться, да чу, въ послѣдній. И пора! Ты не мигай, сношенька, не страшно умирать; это не лапти ковырять: легъ подъ образа, да выпучилъ глаза — и все тутъ. Какъ велъ меня Господь путями своими, такъ и приметъ. Его милосердію предаюсь. Плакать ни по што, дѣтки, Богъ не безъ милости, а пора мнѣ опрастывать мѣсто на печи: часомъ посушиться да погрѣться надо

и другому. Ну, въ покойники, я не напрашиваюсь. — Его святая воля; жить мнѣ съ вами и куда какъ было хорошо! всѣ вы меня покоили, всѣ вы меня берегли; а все заживаться не слѣдъ. Вы, Кирюша да Киря, смотри у меня, любить да почитать отца–мать; не то и молитвы не приметъ отъ васъ Господь и моихъ грѣховъ не замолите: такъ мнѣ тяжко будетъ на томъ свѣтѣ, и буду я страдать долго.

Кирюша съ Кирей встали и повалились дѣду въ ноги.

— Ну, Господь васъ благословитъ; вставайте, садитесь, да слушайте, къ чему я рѣчь веду. Вы, Вася съ Настей, живите по–людски да по–божески, и все молитесь, что бы ни послалъ Господь, все молитесь: потому, видишь, что мы глупы, и добра отъ худа и худа отъ добра не распознаемъ, а Онъ все строитъ по своему, никого не слушаетъ; вотъ ты и подавайся по волосамъ — легче будетъ головѣ. Все молись, а не споруйся. Въ Покровъ жените парней — пора. Берите снохъ смирныхъ, чтобъ въ избу глядѣли, а не вонъ. Ты,

Вася, оставайся большакомъ, а ихъ не распускай на отдѣлъ; пуще всего не давай снохамъ ссориться: такъ ни изъ чего будетъ расходиться; мужики–то поладятъ: семь топоровъ вмѣстѣ подъ лавкой лежатъ, а двѣ прялки врознь. Это твое дѣло, Настя, смирныхъ выбери, да держи любовно. Доживу, самъ благословлю; не доживу, такъ не прогнѣваются. Рѣчи мои слышали, теперь, вставши, помолимся, да и ляжемъ отдохнуть, а свѣтлый день передъ нами. Съ вами Христосъ!

Еслибъ дѣдъ прожилъ послѣ этого еще долго, то слова его на большую половину были бы забыты; но какъ онъ умеръ спокойно на Ѳоминой, напомнивъ еще всѣмъ о томъ, что наказывалъ, то рѣчи его и врѣзались въ память каждаго и поминались то тѣмъ, то другимъ, при всякомъ случаѣ. Старикъ оставилъ сыну рублей съ триста, да устроенное общими силами хозяйство.

Къ Покрову пріисканы были невѣсты и благополучно засватаны, а свадьбамъ, разумѣется, быть въ одинъ день. Настя

стряпала это дѣло и выбирала осторожно невѣстъ смирныхъ, да условилась съ мужемъ, чтобъ обѣихъ невѣстокъ, по вводѣ въ домъ, заставить вмѣстѣ помолиться и приложиться къ образу, что ссориться и наговаривать другъ на друга мужьямъ не станутъ, а потомъ велѣть поцѣловаться и поклониться отцу–матери; затѣмъ и сыновьямъ помолиться и, побратавшись передъ образомъ, обмѣняться тѣльными крестами.

Все это было хорошо, да вышла небольшая помѣха. Къ осени, какъ выражаются крестьяне, царскій колоколъ прогудѣлъ на всю Россію: сказанъ наборъ. Вѣсть эта сперва и не смутила было Василья, потому что онъ считалъ себя одиночкой, какъ отецъ съ однимъ сыномъ, не подумавъ о томъ, что Киря, какъ узаконенный пріемышъ, приписанъ былъ къ семьѣ по народной переписи, а потому и все равно, сынъ ли онъ, племянникъ, братъ ли, чужъ ли чуженинъ — онъ вошелъ въ счетъ работниковъ, и отъ тройниковъ одного отдать придется. Въ общихъ и ни на чемъ

неоснованныхъ словахъ: «кажись, семья моя молода, есть постарше», заключается вся надежда нашего крестьянина, и только немногіе, большесемейные, стоящіе на первой очереди, либо вообще болѣе толковые и заботливые, знаютъ очередь свою напередъ и ждутъ ее; большую часть застигаетъ она врасплохъ.

Такъ случилось и тутъ. Собрали валовую сходку и прочитали учетный списокъ, въ коемъ семьи всей волости писаны сподрядъ, по старшинству очереди; выслушали человѣкъ десятокъ, кои сомнѣвались, почему они стоятъ выше такой–то семьи, которая, кажись, старѣе; растолковали имъ дѣло и затѣмъ вызвали по сему списку коренныхъ, подставныхъ и запасныхъ, объяснивъ каждому, въ которую голову онъ идетъ въ ставку, осмотрѣли ихъ, подвели подъ мѣру, объявили, когда опять собираться для отвоза въ городъ и ставки, и распустили сходку. Семьи, оставшіяся подъ очередью, быстро, весело и шумно собрались и разъѣхались и разошлись первыя; за ними

потянулись и запасные, въ надеждѣ, что очередь до нихъ не дойдетъ, и тѣ изъ подставныхъ, которые бойко слѣдили за осмотромъ и отмѣткою коренныхъ и также разсчитывали, по числу годниковъ, что и ихъ не должна хватить очередь. Остались въ отсталыхъ коренные, которымъ все еще, казалось, будто они не все растолковали начальству, что до положенія ихъ семьи относилось, и будто есть семьи и постарѣе ихней. Въ этомъ числѣ былъ и Василій съ Кирюшей и Кирей. Постоявъ на сходкѣ, перетолковавъ между собою все и похлопавъ нѣсколько разъ руками о полы, пошли они въ приказъ, и Василій рѣшился выступить впередъ и подойти къ начальнику.

— Какъ такъ, ваша милость, семьѣ моей сказана очередь? Я всего вотъ самъ–другъ съ сыномъ, а это у меня чужой, только принятъ въ домъ, то–есть только и вины моей, что я выкормилъ его.

Тотъ отъискалъ семью въ учетномъ спискѣ и объявилъ Василью, что семья его тройниковая, а по сложности лѣтъ 42,

стоитъ на первой очереди, въ коренныхъ, между такими–то двумя семьями, по такимъ–то причинамъ учетныхъ правилъ; что родной и неродной сынъ считается такимъ же работникомъ; а какъ оба они холосты, то старшій бы долженъ идти въ первую ставку; но какъ они и однихъ лѣтъ, то надо имъ кинуть жребій, и вызвалъ отца сдѣлать это сейчасъ.

— Жеребій кидать нечего, отвѣчалъ Василій: — Киря не выходитъ въ мѣру, онъ коротышъ.

Начальникъ взглянулъ еще разъ въ списокъ и сказалъ:

— Правда твоя, я не досмотрѣлъ. Стало–быть, пойдетъ твой Киріякъ. Миновать нельзя.

— А кабы того не было, подкидыша–то, такъ мнѣ бы не отдавать и сына?

— Конечно, нѣтъ; тогда бы вы были двойники на правахъ одиночекъ.

— Какъ же такъ? сказалъ Василій со вздохомъ: — что приняли мы подкидыша съ улицы, такъ въ этомъ мы и виноваты стали? А подкидышъ не доросъ, такъ за эту вину

отдать будетъ роднаго сына — вѣдь онъ у насъ одинъ только и есть...

— Жаль тебя, Василій, а дѣлать тутъ ничего, дѣло законное. Ты слушай, да пойми меня: семью Малинкова знаешь? Ну, у него одинъ же сынъ, Сергѣй — такъ ли? да племянникъ Иванъ приписанъ, который шатается гдѣ-то и дома не живетъ, и Малинковъ такой же тройникъ и отдаетъ теперь сына послѣдняго. Такихъ найдется много; гдѣ по переписи три работника, тамъ одного отдай. Понялъ?

Василій вздохнулъ и молчалъ. Говорить было нечего.

— Что жь, продолжалъ тотъ: — коли сдѣлалъ божеское дѣло, принялъ, вспоилъ и вскормилъ безроднаго, такъ не-ужъ-то ты теперь объ этомъ пожалѣешь?

Василій взглянулъ на начальника почти тѣми же радушными глазами, какъ глядѣлъ на отца въ тотъ вечеръ, когда утирался рукавомъ, полагая, что уморился, то-есть за полчаса до того, какъ найденъ и принятъ былъ Киря.

— Нѣтъ, молвилъ онъ: — сохрани Богъ отъ грѣха, жалѣть не стану. Да и ровны они мнѣ оба; обоихъ хозяйка выкормила разомъ, двойни они мои…

— Говори, говори, Василій, сказалъ ему начальникъ, видя, что онъ замолкъ, не досказавъ всего.

Слеза прошибла Василья, но онъ продолжалъ:

— Разумѣется, что два сына у меня, вотъ они. Старикъ отецъ на Ѳоминой померъ — царство ему небесное! такъ и умирая, наказывалъ: «Ты, говоритъ, все молись, Василій; и хорошо придетъ — молись, и худо придетъ — все молись; потому, говоритъ, что мы глупы, и худа–то отъ добра и добра отъ худа не распознаемъ». Вотъ что!

Кому случалось видѣть на дѣлѣ, какъ рекрутство отправляется у насъ въ разныхъ полосахъ государства, тотъ, конечно, былъ пораженъ тѣмъ, какъ разнообразно, по внѣшности по крайней мѣрѣ, проявляются впечатлѣнія этой повинности и притомъ, какъ–будто только смотря по исконному

мѣстному обычаю. На югѣ, напримѣръ, заведено, что по первымъ слухамъ о наборѣ, всѣхъ очередныхъ берутъ подъ стражу, нерѣдко сажаютъ и въ кандалы; и безъ этого нельзя обойтись: они бы всѣ разбѣжались. Но будучи разъ отданы, они смиряются и покоряются своей судьбѣ. На сѣверѣ и на востокѣ это было бы мѣрой почти неслыханной: тамъ держатъ подъ присмотромъ только отдаваемыхъ за дурное поведеніе, не въ очередь а очередныхъ, по осмотрѣ, распускаютъ, съ приказаніемъ не отлучаться. Изъ числа 200–300 рекрутъ, или очередныхъ, случается иногда, что одинъ или два человѣка скроются, а большею частью и ни одинъ. Нигдѣ нѣтъ столькихъ побѣговъ отъ помѣщиковъ, какъ въ Малороссіи, а между тѣмъ помѣщикъ тамъ вынужденъ сажать очередныхъ тотчасъ въ колодку: иначе бы ихъ не доискались. Порча также водится только мѣстами, какъ–бы гнѣздами. Въ одной семьѣ введены порубы, хотя это бываетъ рѣже; въ другой насыпаютъ мышьяку или сулемы въ ухо; въ третьей очень ловко

растравляютъ язву на ступнѣ или голени, отчего кожа приростаетъ послѣ къ кости и образуется безобразный рубецъ; самые закоснѣлые напускаютъ на себя притворную падучую, а простоватые ограничиваются тѣмъ, что натираютъ лицо и другія части бадягой, отчего образуется опухоль и отекъ; иные искусно вздуваютъ кожу. Эти средства обыкновенно бываютъ неудачны. Но вообще подобные случаи рѣдки, и бываетъ ихъ, напримѣръ, по Нижегородской губерніи, одинъ или два въ наборъ, на 36 тысячъ душъ удѣльныхъ крестьянъ; очереднымъ, безъ всякаго опасенія, объявляется объ очереди ихъ, и они распускаются по домамъ; нерѣдко даже, въ случаѣ крайней надобности, имъ выдаются еще срочные виды, для отлучки, съ обязательствомъ явиться къ ставкѣ, и въ этомъ случаѣ всегда почти являются они сами къ сроку.

Также точно отъ мѣстнаго обычая зависитъ и то, какъ вѣсть объ очереди принимается въ семьѣ и какъ провожаютъ очереднаго. Вообще можно сказать, что

населенiе чисто–земледѣльческое чуждается и боится солдатчины гораздо–болѣе, чѣмъ населенiе промысловое: почему между первымъ и охотники или наемщики довольно–рѣдки, тогда, напротивъ, какъ ихъ въ послѣднемъ довольно, лишь бы нашлись хозяева, готовые дать парню погулять самымъ неистовымъ, буйнымъ образомъ два–три мѣсяца; послѣ этого онъ смиряется и самъ проситъ, чтобъ его скорѣе поставили. У обрусѣвшей мордвы и другихъ чудскихъ племенъ, обрусѣвшихъ мѣстами до того, что и признаковъ ихъ происхожденiя почти не осталось, бабьи заплачки и причеты сохранили, однакожь, свое значенiе, и безъ нихъ не можетъ обойтись ни одно важное событiе въ крестьянскомъ быту: тутъ оплакиваютъ солдата гласно, на улицѣ, съ дикимъ, однообразнымъ воемъ, на заведенный тоскливый голосъ въ семь нотъ, изъ которыхъ послѣдняя растягивается и переходитъ въ верхнюю октаву; въ коренныхъ же русскихъ селенiяхъ этого нѣтъ, а провожаютъ рекрута и прощаются

съ нимъ довольно разумно и спокойно, какъ бы прощаясь со всякимъ семьяниномъ на дальнюю и долгую разлуку.

Нашъ Василій принадлежалъ къ чисто земледѣльческому разряду крестьянъ нагорныхъ уѣздовъ. Онъ не могъ принять вѣсть объ отдачѣ сына въ солдаты съ такимъ спокойствіемъ, какъ это обыкновенно дѣлается въ волостяхъ заволжскихъ, промысловыхъ. Сколько ни утѣшалъ онъ себя и Настю тѣмъ, что надо же кому–нибудь служить великому Государю, что Богъ его и тамъ не оставитъ, что отецъ не велѣлъ роптать ни на что, а велѣлъ только молиться — а конецъ концовъ все таки былъ тотъ, что надо разставаться съ одинцомъ своимъ навсегда. Кирюша съ Кирей повѣсили носы и молчали; второй, надумавшись какъ–то, сталъ было робкимъ голосомъ плакаться на судьбу свою, что вотъ изъ–за него отдаютъ теперь названнаго брата въ солдаты, что лучше бы ему было утопиться, чѣмъ взводить такое горе на отца–мать кормильцевъ своихъ; но Настя первая

зажала ему ротъ, сказавъ: «Молчи, молчи, Господь съ тобой, не грѣши, Божья воля; нешто ты недоросъ по своей волѣ? Божья воля, дитятко, молчи!» А Кирюша, сидя кулемъ на лавкѣ и свѣсивъ головушку, прибавилъ: «Про это что толковать, Киря? ужь тебѣ ли, мнѣ ли, а кому–нибудь идти надо.»

Вошелъ въ избу сосѣдъ, также хорошій мужикъ, посмотрѣть, что дѣлается у Василья, да потужить съ нимъ. «Что, Василій», спросилъ онъ, помолившись: «какъ думаешь?» — «Да что думать тутъ?» отвѣчалъ тотъ: «видно снаряжать Кирюшу, да благословлять.» — «А что бъ тебѣ, Василій, понавѣдаться въ Борисово: тамъ, намолчка была какъ–то, Иванъ Верзилинъ — чай Верзилиныхъ знаешь — былъ слухъ, что продаетъ онъ квитанцію.»

Василій взглянулъ было радостно во всѣ глаза на сосѣда, который навелъ его на новую думку, небывавшую у него до сего и въ головѣ; но потомъ, вздохнувъ, сказалъ: «Что–жъ! квитанція, чай не по мнѣ придется». — «Однако» продолжалъ тотъ:

«понавѣдался бы, Богъ милостивъ; я человѣкъ не замочный, самъ знаешь, а коли ребята твои на годъ пойдутъ въ кабалу ко мнѣ, по пятидесяти дамъ — вотъ и сотня.»

Настя кинулась просить мужа послушаться этого совѣта; парни молчали. Не чая успѣха, Василій, однакожь, сказалъ большое спасибо сосѣду, а самъ, не откладывая дѣла, всталъ, взялъ шапку, перекрестился и пошелъ. Часа черезъ три онъ уже и воротился, но добрыхъ вѣстей не принесъ. Верзилинъ поставилъ, года три назадъ, охотника, и квитанція береглась у него до очереди; между тѣмъ у него выбылъ одинъ работникъ, умеръ племянникъ, а самъ онъ вышелъ изъ лѣтъ, то есть исполнилось шестьдесятъ; такимъ образомъ квитанція стала лишнею, и онъ продавалъ ее, но не отдавалъ ниже 600 серебромъ, за наличныя. У Василья отцовскихъ денегъ было сотни три, да одна своя, прикопленная, да сто давалъ сосѣдъ, за годичную кабалу, а одной не хватало и добыть ее негдѣ. Какъ ни раскидывали на умахъ, а нѣтъ ее! Продать, кромѣ одной

лишней лошадки, коли сыновья дома пахать не станутъ, нечего; взаймы никто не дастъ, опасаясь въ такомъ случаѣ, что мужичокъ, отдавъ послѣднее и распродавъ все, падаетъ въ быту своемъ и дѣлается несостоятельнымъ. Потолковали еще и на другой, и на третій день, и рѣшили, что знать такъ Богу угодно, а Кирюшѣ судьбы своей не миновать.

На улицѣ послышались голоса толпы, и Василій, оглянувшись позади себя въ окно, увидѣлъ цѣлую ватагу костромскихъ шерстобитовъ, съ Ветлуги, которые остановились съ оружіемъ своимъ, полутора–саженными лучками, прямо противъ двора его, поглядывали и что–то толковали. Вслушавшись, Василій, однако, не могъ понять въ чемъ дѣло: «Чаво», говорилъ одинъ, «нѣтъ не пятьдесятъ, а выйдетъ и цѣла сотня; ты гляди, четвертей по 20 будетъ, вотъ что.» — «А дуплясты», замѣтилъ другой. — «Ну, дуплясты» сказалъ третій: «такъ сотни не выйдетъ, а все безъ малаго.» Что они далѣе говорили, того Василій и вовсе не могъ понять,

потому что бесѣда ихъ продолжалась уже не на русскомъ, а на вовсе–незнакомомъ Василью языкѣ. Потолковавъ, шерстобиты спустили лучки свои однимъ концомъ съ плечъ на землю, какъ бы для отдыха, а одинъ изъ нихъ пошелъ въ избу Василья.

Надобно знать, что этотъ народъ, костромскіе шерстобиты, ходятъ съ лучками своими по всей Россіи, не исключая и Сибири, на заработки, и нерѣдко занимаются, гдѣ случится, и другимъ промысломъ: они же тележники, санники, колесники и дужники. У нихъ свой, придуманный ими языкъ, какъ у владимірскихъ, тверскихъ и костромскихъ офеней или коробейниковъ, но только другой, то есть слова у нихъ большею частью другія. Такъ, напримѣръ, скоро, у офеней: *рыкло*, у шерстобитовъ *шатрово* или *башково*; вѣникъ, у офеней *пленальникъ*, у шерстобитовъ *било*; снопъ, у офеней *зябликъ*, у шерстобитовъ *ломежъ* и проч. Вотъ почему Василій не могъ понять ни слова, какъ только шерстобиты заговорили по своему.

Итакъ, одинъ изъ нихъ вошелъ, помолился и проговорилъ бывалымъ землепроходцемъ: «Богъ на помочь въ окно глядѣть! безъ пироговъ не садиться, безо щей не ложиться, безъ красныхъ невѣстъ жениховъ не держать! Дома ль хозяинъ?» — «Благодаримъ покорно. Я хозяинъ» обозвался Василій: «съ чѣмъ Богъ принесъ?» — «Ну», продолжалъ краснобай: «хозяину гумно гора горой, хозяюшкѣ свѣту полны воробья, полны коробья, добрымъ мододцамъ по бархатну чапану, а тебѣ, честной хозяинъ, подносимъ бархатну шапку — въ простой ходить тебѣ не годится. Берешь, что ль?»

Хоть и не до веселья было теперь бѣдному Василью, однако ветлужанинъ разсмѣшилъ его. «Бай, что ли», сказалъ онъ, «а я не дамъ толку твоимъ рѣчамъ.» — «А вотъ что» продолжалъ тотъ: «три ветлы стоятъ на дворѣ у тебя; онѣ чай не завѣтныя; постоятъ еще годъ–другой — знать ужъ и такъ больно переспѣли — да и надъѣстъ ихъ дупло, а вѣтромъ повалитъ, храни Богъ убьетъ кого. Мы дужники,

поработаемъ тутъ около нихъ, и деньги далибъ хорошія. Можно ль посмотрѣть да обухомъ ударить: есть дупло, такъ скажется.»

Василій всталъ и вышелъ съ нимъ на дворъ; вся артель, приставивъ лучки свои къ избѣ, окружала три огромныя ветлы, посаженныя когда–то, никакъ лѣтъ тому восемьдесятъ, прадѣдомъ Василья. Тогда воткнуто было съ десятокъ хворостинъ, три изъ нихъ уцѣлѣли и стояли теперь, красуясь въ дымчатой листвѣ своей и покрывая увѣемъ полдвора и полулицы. Пни ихъ были четвертей по двадцати въ обхватѣ. Постучавъ обухомъ тутъ и тамъ, увѣрившись, что дупла нѣтъ, и покричавъ на своемъ, никому незнакомомъ языкѣ между собою, они подошли къ хозяину, и артельщикъ спросилъ Василья, что возьметъ онъ за три ветлы эти на срубъ, и съ тѣмъ, чтобъ выработать дуги у него на дворѣ, а за хлѣбное–де плата особо. Пожалѣлъ было Василій прадѣдовскихъ ветлъ своихъ и сказалъ: «Нѣтъ, не хочу, не дамъ рубить.» Вся артель напала на него и

божилась, что вотъ только стоять имъ до первой бури, а тамъ и свалитъ ихъ, и еще, сохрани Богъ! кого придавитъ. «Ну» сказалъ артельщикъ, протянувъ руку: «пятьдесятъ цѣлковенькихъ взялъ, что ли?» Василій выпучилъ глаза: не слышалъ онъ, чтобъ такія деньги давали за три ветлы. Однако онъ крѣпился. «Нѣтъ, не беру.» Съ шумомъ, крикомъ и божбой заставили его противъ желанія подставить руку артельщику, между–тѣмъ, какъ тотъ все набавлялъ, и билъ съ розмаху по рукѣ его, и дошелъ наконецъ до семидесяти–пяти цѣлковыхъ. Какой–то говоръ пробѣжалъ по артели, и большакъ, отдернувъ руку свою, молвилъ: «Ну, Богъ съ тобой! Ой–да, пойдемъ, братцы.» Василій остановилъ ихъ и послалъ Кирю за сосѣдомъ, который бралъ ребятъ въ кабалу. «По рукамъ» сказалъ сосѣдъ: «и не думай больше. Давай гнѣдаго своего на придачу къ парнямъ — вѣдь опять на двѣ сохи пахать станешь — купишь; а теперь онъ у тебя будетъ въ лишнихъ. Богъ съ тобой, Василій, человѣкъ ты и сосѣдъ

добрый: доплачу остатки, двадцать–пять цѣлковыхъ за тебя, и шестая сотня полна. Бери денежки, да бѣги къ Ивану, въ Борисово, чтобы кто не перебилъ. Дастъ Богъ здоровья, наживете больше. Вотъ, парней–то женишь нынѣ, анъ двѣ работницы въ домѣ; а дѣвки–тѣ хорошія, работящія.»

Василій перекрестился, получилъ деньги съ шерстобитовъ, получилъ и съ сосѣда. Кирюша съ Кирей отвѣсили ему по низкому поклону, глядѣли ему въ глаза, чтобъ, въ чемъ нужно, прислужиться, а сами не могли отбиться отъ докучливой слезы. Настя обняла и его, и дѣтей; досталъ онъ свою денежку про черный день, счелъ все — шесть сотъ гладко, опять перекрестился, пошелъ и воротился еще засвѣтло съ квитанціею. Ветлужцы храпѣли въ повалку подъ своими ветлами.

— Вотъ оно и выходитъ такъ, сказалъ Василій за ужиномъ, среди радостной семьи своей: — что надо всему молиться. Что ни придетъ, все молись. Господь, старый Чудотворецъ, знаетъ что строить.